

низложенных и умерших естественной смертью в Римской империи и в Византии (т. II, стр. 17).

Неумение выделить основное в обширном материале, которым Брейе располагал, приводит к тому, что он уделяет много места целому ряду второстепенных вопросов, подробно описывая частную жизнь императоров, придворный церемониал, внутреннее убранство церквей и отдельные детали религиозного культа, костюмы и прически византийцев и т. п. Игнорирование наиболее существенных вопросов истории Византии и неправильное освещение проблем, затронутых в „Византийском мире“, приводит к полной неудаче попытки Брейе дать, на основании работ других буржуазных ученых, синтез истории Византии. Эта неудача не случайна: она знаменует собой глубокий упадок современного буржуазного византиноведения.

М. Л. Абрамсон

F. DVORNIK. THE PHOTIAN SCHISM

History and Legend, Cambridge, 1948.

В последнее время Ватикану отводится все более значительная роль в планах международной реакции. Ватикан приобретает особое влияние благодаря своему огромному опыту пропаганды реакционной идеологии, накопленному в течение столетий. Не в силах найти в арсенале средств воздействия на массы никаких доводов, кроме апелляции к „западной культуре“ и „европейской цивилизации“, империализм хватается за христианство. Идеологи католицизма, стремясь к консолидации своих сил, выдвигают противоречащий историческим фактам тезис о том, что христианская церковь всегда якобы была единой и сплоченной. В частности, они придают огромное значение доказательству того, что в своем воздействии на славянские народы Восточной Европы западная и восточная церковь действовали якобы единым фронтом и именно этому воздействию славянские народы будто бы и обязаны развитием своей культуры.¹

В связи с этим в католической историографии намечился отход от прежних представлений о так называемой фотийской схизме, обусловившей разрыв между западной и восточной церквями в IX в. Одним из видных сторонников этой точки зрения был кардинал Гергенрөтер,² прямо называвший Фотия виновником этого разрыва.

Автор рецензируемой книги бывший чешский католический епископ Франтишек Дворник, не вернувшийся в Чехословакию из эмиграции после 1945 г., полностью порывает с прежними воззрениями и пытается пересмотреть вопрос о фотийской схизме.

Патриарх Фотий — одна из значительных фигур в истории Византии IX в. Незаурядный и плодовитый писатель, оставивший после себя немалое наследство, он сыграл большую роль в литературной жизни этого столетия. В то же время Фотий являлся крупным церковно-политическим деятелем. Именно он проводил мероприятия по распро-

¹ A. Gregoire. The Disruption of European Unity: the Greek Schism and its lasting political implications. „Belgium“, II (1942).

² J. Hergenröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel, Regensburg, 1867—1869.

странению христианства среди славянских народов Восточной Европы; с его именем связаны и проповедь солунских братьев, и принятие Болгарией христианства. Служа политическим интересам византийского правительства, Фотий пошел на разрыв с папой Николаем I, когда тот под предлогом вмешательства в борьбу церковных партий в Византии выступил с непомерными политическими притязаниями. Этот разрыв и составил „первую схизму“ Фотия. Мнение, что такого же направления продолжал держаться Фотий и в годы своего второго патриаршества, было общепризнанным в буржуазной исторической литературе.

Ф. Дворник отказывается от этого представления. Как гласит предисловие к книге, Дворник считает, что „историки и церковники Запада ошибались во взглядах на Фотия“. К каким же выводам приходит сам Ф. Дворник?

В первой части, озаглавленной „История“, автор подробно останавливается на событиях первого патриаршества Фотия, рассматривая сложную политическую ситуацию в момент избрания Фотия на место удаленного патриарха Игнатия. Автор отмечает, что современные Фотию церковные историки, в том числе и Никита Пафлагонянин, обвиняют Фотия не только в нарушении канонических правил об избрании патриарха, но и в жестоких гонениях на партию своего предшественника.

Уже при изложении этих событий автор начинает осторожно реабилитировать Фотия. Прежде всего он стремится навязать читателю вывод, что не Фотий и его сторонники первые начали борьбу. Наоборот, утверждает Ф. Дворник, именно игнатиане, ядром которых было многочисленное, укрепившееся после восстановления иконопочитания и поэтому рьяно рвавшееся в бой монашество, потребовали от Фотия, чтобы он всю свою деятельность подчинил указаниям „законного“ патриарха (Игнатий, удаленный с кафедры, не сложил с себя патриаршего сана). За игнатианами новому правительству Михаила III и Варды чудились фигуры свергнутой царицы Феодоры и ее партии, и поэтому на них обрушилась волна правительственных репрессий. По мнению Ф. Дворника, Фотий был непричастен к этим гонениям.

Взгляды автора раскрываются далее при трактовке им вопроса о соборе 861 г., созванном папой Николаем I для пересмотра дела Игнатия. Собор 861 г. всегда привлекал внимание историков. Именно на этом соборе папа обнаружил свои хищные экспансионистские устремления, потребовав передачи (формально — „возврата“) под его юрисдикцию Сицилии и Македонии (Сиракузской и Солунской епархий). Рисуя обстановку и ход событий на соборе, автор крайне тенденциозно изображает политику Фотия и в то же время всячески воздерживается от осуждения действий папы. Он говорит о пышной встрече папских легатов, о желании Фотия пойти на компромисс и даже утверждает, что византийское правительство разрешило демонстрации в пользу Игнатия, стремясь избежать осложнения отношений с римской курией. Все это пишется с целью подвести читателя к выводу о том, что Фотий на соборе 861 г. решительно проводил политику мира и уступок.

Болгарский вопрос, вставший на очередь дня после собора 861 г., определил изменение отношений между римской и константинопольской церквями. С принятием христианства в середине IX в. Болгария на короткий период входит в сферу церковного влияния Византии. Этому событию предшествует (равно как и следует за ним) ожесточенная борьба Рима и Византии за влияние в стране, борьба, которая привела к резкому обострению отношений между обеими церквями, пока актив-

ное вмешательство папы в болгарские дела не вызвало, наконец, ликвидации кажущегося церковного единства. „Папа посылал к болгарам *итальянских миссионеров*, это дало повод к полному разделению церкви на 2 части“.¹

Ф. Дворник предлагает иное истолкование этих событий. Автор цитирует письмо, по его мнению, написанное Фотием папе после собора. В нем Фотий, мягко и почти извиняясь, пытается оправдать свои действия на соборе 861 г. Больше того, на основании одного чрезвычайно туманного места в письме автор делает вывод о том, что Фотий был готов пойти на серьезные территориальные уступки папе, а именно — отказаться от прав на Иллирик. Он бы сделал эти уступки еще на соборе, „не наложив император своего вето“ (стр. 93). Эта тенденция доказать миролюбие Фотия и Николая I расходится с теми фактами, которые приводит сам автор. Уже в 862 г. обнаружилась заинтересованность папы в принятии христианства Болгарией. Он ведет об этом переговоры с византийским послом, патриkiem Львом; послу было дано понять, что уступка болгарской церкви римскому престолу и явится „ценой, ожидаемой папой за новый пересмотр дела Фотия и Игнатия“ (стр. 96). Фотий же не думал отказываться от Болгарии (как, по всей вероятности, не думал отказываться и от Иллирика). Когда все попытки добиться уступок от Фотия оказались тщетными, папа созвал собор итальянских епископов (апрель 863 г.), на котором Фотий был отлучен от церкви, якобы за незаконный захват патриаршего престола. Несмотря на то, что Ф. Дворник сам указывает на эти факты, он считает возможным изложить причину разрыва 863 г. следующим образом: „Страдания Игнатия, рассказанные папе Николаю, довели до слез этого святого человека, настоящего защитника церкви и всех обездоленных“ (стр. 108). Ничего, кроме незуитского ханжества, не кроется за этими „лирическими“ отступлениями, так же как и за дальнейшими попытками изобразить папу бескорыстным политиком: „Какими бы мотивами ни руководствовался Николай, нет впечатления, что он лелеет надежду на возвращение Болгарии“, — пишет автор на стр. 111. Насколько лицемерны эти выводы, явствует из того, что папа весьма активно боролся против посылки франкских миссионеров в Болгарию. Когда в 866 г. князь Борис обратился в Рим с просьбой прислать епископа и ответить на ряд вопросов церковного порядка, Николай I своими *Responsa ad consulta Vugarorum* дал свидетельство своей заинтересованности в установлении влияния папского престола в Болгарии. Более того, вскоре он направляет письмо Фотию с ультимативным требованием освободить патриарший престол в пользу его „законного“ владельца — Игнатия. Болгарский „интерес“, таким образом, продолжает определять отношения обеих церквей. Фотий не остался в долгу; в письме Борису он декларативно утверждает примат константинопольского патриарха. И автор безуспешно старается отрицать политическое значение борьбы за Болгарию, утверждая, что Фотий, подчеркивая значение константинопольской церкви, пытался произвести наиболее благоприятное впечатление на Бориса (стр. 127).

В 867 г. в Константинополе был созван собор, на котором Николай I заочно судили, объявили низложенным и предали проклятию. Это и было актом „первой схизмы“ Фотия. Освещение этого события должно было быть своего рода тяжким испытанием для Ф. Дворника, принимая во внимание наметившуюся тенденцию его исследования. Автор

¹ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 41.

прежде всего пытается отрицать широкое политическое значение разрыва между церквями. „Принято считать, что собор в 867 г. выступает... против принципа верховенства Рима... Я настаиваю на том, что энциклика Фотия упоминала только так называемых епископов, проповедующих в Болгарии“ (стр. 122). Далее: „В актах собора 867 г. нельзя найти ничего другого, кроме критики поведения папы. Это так же мало относится к отрицанию супрематии папы, как и критика личного поведения Александра VI“ (там же). Короче, автор отказывается придавать действиям Фотия в 867 г. смысл политического выступления против Рима и его притязаний и сводит церковно-политический кризис IX в. к личной борьбе двух первосвященников. Хотя автор всячески старается преуменьшить значение схизмы 867 г., он все же не может вовсе отрицать этот исторический факт. Он называет схизму „несчастливым поступком“, „отчаянным поступком Фотия“, „подвергшим опасности все христианство“ (стр. 130). Эти lamentации могут иметь одно объяснение. Факт разрыва 867 г. мешает автору последовательно провести мысль о неизменности крепких уз между обеими церквями, необходимую ему для „обоснования“ его тенденциозных выводов.

Но если Ф. Дворник скрепя сердце допускает схизму 867 г., он категорически отрицает так называемую „вторую схизму Фотия“.

Деятельности Фотия в годы его второго патриаршества посвящена важная глава работы: „Второй раскол Фотия. Историческая мистификация“. Уже из заглавия явствует, что автор намерен пересмотреть старое представление о том, что Фотий и вторично явился виновником церковного раскола. В исторической литературе (И. Гергенрёттер) было принято мнение, что „вторая схизма“ Фотия была осуществлена им на соборе 879 г. Ф. Дворник порывает с этим взглядом. Цель его — доказать, что собор 879 г. не выносил никакого решения о разрыве с Римом, и он доказывает это на материале латинских источников, используя данные о том, как реагировала римская церковь на собор 879 г. Автор опровергает старое представление, будто бы после этого собора Фотий сам был подвергнут отлучению римской церковью. Он подвергает обстоятельному анализу сборник латинских антифотиевых документов, именуемый им *Collectio*, и ему действительно удается доказать, что большинство этих документов является фальшивкой, „собственной страпней (cooking) составителей *Collectio*“ (стр. 236). Но сделав это разоблачение, звучащее тем более красноречиво, что оно принадлежит католическому ученому, автор в описании дальнейших событий по-прежнему извращает факты. Он утверждает, что папа Иоанн VIII „соглашается аннулировать все антифотиевы решения, принятые его предшественниками (папами Николаем I, Марином) и собором 869—870 г., и санкционирует все акты собора, привезенные ему легатами“ (стр. 238). Он пишет, что Фотий в ответ на выражение такого миролюбия идет всецело навстречу папским пожеланиям. Ссылаясь на книгу Ж. Гё (J. G. у. L'Italie Méridionale et l'Empire Byzantin, Paris, 1901), автор утверждает, что Болгария, якобы добровольно „уступленная“ Константинополем, переходит под власть римского папы. Все это дает автору возможность заявить, что „стремление к действительному и постоянному согласию было искренним и у папы Иоанна VIII, и у Фотия“ (стр. 212). В этом и заключается то новое освещение, которое вносит автор и которое „обычно ускользает от исследователей“ (там же).

Трудно судить, была ли Болгария действительно подчинена Риму в церковном отношении, ибо она через несколько лет добилась церковной независимости, а затем и собственной патриархии. Важно

выяснить другое. Почему курия сравнительно легко приняла решения собора 879 г., безусловно направленные против римских интересов? Внимательно следя за ходом событий, которые излагает сам автор, можно найти объяснение этому. Оказывается, папа Иоанн VIII испытывал острую нужду в византийских войсках, сражавшихся против арабов в Южной Италии. Такова истинная причина „постоянного“ миролюбия Рима. Выводы же, которые пытается отсюда сделать автор, весьма характерны для общей направленности его книги. Временный маневр римской курии он изображает ее постоянной тенденцией, рисуя экспансионистскую политику Рима как политику мира и согласия. Иными словами, автор берет на себя задачу реабилитировать римскую церковь периода формирования ее политических и территориальных притязаний. „Второй раскол Фотия, считающийся таким роковым для дружественных отношений между церквами, принадлежит к области легенды“ (стр. 236), — к такому выводу приходит автор в конце первой части своей книги. Возникновение и развитие этой легенды Ф. Дворник рассматривает во второй части книги — „Легенда“.

Это, безусловно, поучительный раздел. Пытаясь выполнить свою задачу, автор волей-неволей раскрывает приемы, при помощи которых изготовлялись каноны католицизма. Нельзя доверять показаниям римских церковных историков X в., говорит он. Не сообщает правды ни монах Эрхемперт в истории беневентских лангобардов, ни автор „*Anselmo Dedicata*“. Но не они, продолжает автор, несут ответственность за то, что искаженные сведения о борьбе Фотия с игнатианами и Римом выросли в легенду о фотиевом расколе. Причина этого кроется в огромном престиже, которым пользовался в Средние века папа Николай I, „великий предшественник Григория VII“. Иными словами, вопрос о „схизме“ родился лишь в период борьбы папства с империей. Бонизо Сутрийский, сподвижник Григория VII, объявил, что папы всегда обладали правом отлучать монархов, приводя в пример „отлучение“ Михаила III. История с „отлучением“ Михаила III — чистый вымысел, но этой фальшивкой Бонизо, как признает автор, „ввел традицию в Средние века“. Особенное же внимание в эпоху борьбы за инвеституру привлек 22-й канон собора 869 г., отлучившего Фотия; этот канон запрещал возведение в епископы из мирян. Вопрос о соборе 869 г., а вместе с ним и весь вопрос о Фотии, „неожиданно занял видное место в литературе этого периода“. Папство, выступающее с притязаниями на мировое господство, использовало церковные раздоры полуторавековой давности для обоснования собственных требований. И здесь „реформаторы времени Григория VII добивались успеха с усердием, которое заставило их исказить факты в угоду полемическим (читай: политическим!) целям“ (стр. 295). В справедливости этого вывода автору нельзя отказать. Вопросу о канонизации, признании „вселенским“ собора 869 г., содержащего 22-й канон, посвящена отдельная глава. Автор приводит многочисленные документы IX—XI вв., свидетельствующие, что собор 869 г. не считался „вселенским“. И вдруг в начале XII в. он оказывается таковым. Что же произошло? Канонисты папской курии „открыли вселенский собор 869 г. вместе со знаменитым 22-м каноном“ (стр. 320). Вина Фотия в создании раскола не была доказана в XII в. Об этом говорят историки (Ив Шартрский, кардинал Деуседит и др.). Официально актами „освященного“ вселенского собора Фотий был признан „схизматиком“, и это обстоятельство и сыграло значительную роль „в возникновении того, что мы на Западе называем легендой о Фотии“ (стр. 330).

В XVI в. угасший было интерес к этой, казалось бы, далекой схизме внезапно вспыхивает вновь в связи с Реформацией. В своих выступлениях вожди протестантов используют пример фотианских споров как образец борьбы, которая шестьсот лет назад велась против „преступлений“ папства („Магдебургские Centuriae“). В ответ на эти выступления в 1602 г. появился труд кардинала Барония — „Анналы“. Бароний использовал значительное для того времени количество источников, в том числе письма самого Фотия, Скилицу, Глику, и его „Анналы“ приобрели в католической традиции репутацию наиболее аргументированного труда о Фотии. Весь свой кардинальский и „ученый“ авторитет автор обрушивает на Фотия. Последний в его изображении — глава схизматиков, еретиков, даже язычников... Мнение, установившееся в западной исторической литературе после Барония, по существу уже не пересматривалось никем.

Ф. Дворник отрицательно относится к книге Барония. Он отмечает, что она появилась со специальными целями: „его долгом было защитить авторитет верховных первосвященников от ожесточенных нападок протестантов“, поэтому книга его и искажает факты. Если вследствие политических притязаний папства в XI в. возникает искаженная легенда о Фотии, то свое завершение она получает в период контрреформации, окончательно превратившись в фальшивку. Так, принявшись за реабилитацию Фотия, римский епископ против своей воли разоблачает католическую кухню лжи и фальсификации истории.

Всю книгу Ф. Дворника от начала до конца пронизывает стремление реабилитировать Фотия, стремление доказать, что Фотий руководствовался лишь одним желанием — сохранить мир в церкви. Предвзятость этого вывода обусловлена политическими тенденциями автора, на которых мы остановимся ниже, но уже и здесь необходимо отметить, что Ф. Дворник прямо искажает исторические факты. На самом деле, Фотий не был миротворцем: это можно явственно видеть из тех многочисленных фактов, которые собрал автор и которые он так тенденциозно пытается истолковать. Напротив, в отказе подчиниться папскому диктату вскоре после избрания, в прямом разрыве 867 г., в упорном стремлении добиться своих целей в годы второго патриаршества видно стремление вести свой собственный курс, независимо и вразрез с папской политикой. Важно то, что подобный характер поведения патриарха диктовался не отвлеченными церковными интересами, а вполне реальными притязаниями византийского правительства на славянские земли. В этих странах политика константинопольской патриархии была откровенно экспансионистской, и на заседаниях собора 879—880 г. сторонники Фотия — Прокопий Кесарийский и Григорий Эфесский — открыто призывали к захвату новых земель, к восстановлению Римской империи в прежних пределах.¹ Миссии в славянские страны были для Фотия лишь средством подчинения соседних стран, а его усилия закрепить влияние Византии в одном из крупнейших славянских государств — Болгарии рисуют лицо этого политика.

Ф. Дворник не отрицает факта активного вмешательства Фотия в дела соседних народов. Более того, в том, как Ф. Дворник относится к политике Фотия в этом направлении, явственно отражаются взгляды этого представителя воинствующего католицизма. Он прямо ставит Фотию в заслугу его экспансию в славянских государствах. По его

¹ М. А. Заборов. „Византийский Временник“ в 1949 и 1950 годах. „Вопросы истории“, 1951, № 4, стр. 115.

мнению, Фотий был выдающимся деятелем своей эпохи именно потому, что он взял на себя „великую миссию“ христианизации славянства, и тем самым якобы определил всю дальнейшую историю славянства.

Откровенная апология папства в книге Ф. Дворника заставляет автора делать самые фантастические выводы. Так, известное письмо папы Николая I от сентября 865 г. с требованием уступки Болгарии и с притязанием на власть *super omnem terram, id est super omnem ecclesiam* неожиданно понимается как „первый шаг к почетной и мирной ликвидации всего конфликта“ (!) (стр. 109). Откровенным мракобесием дышат заявления о „гордой борьбе пап за свободу“ (!?) в XI в., возглавляемой „благородной фигурой Григория VII“.

Преследуя цель затушевать значение схизмы, автор усиленно выдвигает на первый план внутреннюю борьбу в восточной церкви. И здесь автор реабилитирует Фотия. Именно игнатиане, по его мнению, разжигают борьбу Рима с Фотием, доводят папу Николая I до разрыва с Византией; продолжая бороться с Фотием, когда тот уже помирился с Римом, они, в изображении Ф. Дворника, оказываются виновниками раскола, и неудивительно, что именно деятельность игнатиан именуется в конце книги „схизмой“ (стр. 275).

Совершенно антинаучными являются попытки автора установить связи между расколом IX в. и предшествующими церковными и политическими движениями. Он находит связь между борьбой сторонников и противников принципа „*oikonomia*“ (подчинение церкви государству в IX в.) и иконоборчеством, монофизитством и борьбой партий цирка. Он даже видит аналогию между действиями Фотия, боровшегося против игнатиан-студитов, и борьбой императоров-иконоборцев. При этом автор ограничивается лишь выяснением внешнего сходства фотианских споров и иконоборчества, — он далек от мысли о различии исторических эпох, обусловивших разное содержание движений. В беспомощных попытках автора найти сколько-нибудь удовлетворительное объяснение церковного раскола IX в. отчетливо проявляется глубокий упадок современной буржуазной исторической науки.

Книга Ф. Дворника — это попытка реабилитации Фотия, ее задача — доказать, что схизмы не было, что Фотий не был враждебен римской церкви, что в отношениях обеих церквей всегда преобладали не рознь и раскол, а миролюбие и единение, неизменно покупавшиеся ценой уступок со стороны восточной церкви. И когда позднее, при Михаиле Керуларии, разрыв между обеими церквями действительно произошел, этот разрыв был встречен отрицательно даже в среде византийского клира (стр. 394). По мысли Ф. Дворника, христианству свойственно единство, характеризовавшее отношения между Западом и Востоком и не исчезающее в критические периоды их истории.

При всей ее мнимой объективности книга Ф. Дворника несет в себе определенную политическую тенденцию. Пересмотр взглядов на Фотия, начатый Дворником еще в 30-х годах, завершается им в послевоенные годы, в период возросшей активности католицизма. Тезис об „исторических корнях“ единения католицизма и православия используется в качестве одного из средств воздействия на широкие массы трудящихся-католиков. Он служит тем же глубоко реакционным и антинародным целям, что и обветшалый „лозунг“ о необходимости сплочения христианского мира перед лицом „безбожного большевизма“.

Такова истинная цель книги Франтишека Дворника.

М. М. Фрейденберг